

История

«Твердый, как камень» Детские и юношеские годы Чан Кайши

© 2016

А.В. Панцов

В прошлом году исполнилось 40 лет со дня смерти одного из самых известных политических деятелей Китая XX века — Чан Кайши (1887–1975), — человека, сыгравшего наряду с Сунь Ятсеном, Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином крупнейшую роль в новейшей истории Поднебесной.

Рассказ о детстве и юности будущего генералиссимуса взят из новой книги А.В. Панцова «Чан Кайши», в настоящее время готовящейся издательством «Молодая гвардия» к выходу в свет.

Ключевые слова: Китай, династия Цин, Гоминьдан, Сунь Ятсен, Чан Кайши, национально-освободительное движение.

За окном едва забрезжил рассвет, когда Ван Цайной, двадцатидвухлетняя беременная жена почтенного Цзян Суаня, хозяина соляной лавки в деревне Сикоу на востоке Китая, почувствовала схватки. Начиналось утро пятнадцатого дня девятого месяца года Свиньи по лунному календарю, что соответствовало тринадцатому году правления императора Гуансюя маньчжурской династии Цин, владевшей Поднебесной с 1644 г. По григорианскому календарю это было 31 октября 1887 г.

Дед, отец Суаня, не мешкая, велел всем членам семьи тут же выйти во двор: в доме во время родов нельзя было находиться никому. Суаню же он, кроме того, приказал держать рот на замке: отец будущего ребенка не должен был произносить ни одного слова во время родов, так как его слова могли привлечь внимание злых духов. После этого он крепко-накрепко затворил двери спальни на втором этаже соляной лавки, где на большой темно-красной кровати под резным балдахином лежала его невестка, и послал приказчика за повитухой, женой своего дальнего родственника, жившего неподалеку. Расторопный слуга, прихватив зажженный фонарь, стремглав выбежал из дома и вскоре привел запыхавшуюся повитуху. Войдя к роженице, та первым делом зажгла толстую свечу, а затем разложила вокруг кровати необходимые обереги: раскрытый зонт, зеркало, буддийские сутры и конфуцианские каноны. На столик перед кроватью она поставила статуетку Бодхисаттвы Гуаньинь — покровительницы рожениц. По всей же спальне развесила бумажные фигурки укротителей разной нечисти.

В полдень, в час Лошади¹, Ван разрешилась от бремени. Повитуха показала ей плачущего младенца. Это был мальчик, и счастливая Ван улыбнулась: рождение сына для китайцев всегда особое событие: ведь мужчина — продолжатель рода. У ее сорокапятилетнего мужа уже имелись и сын, и дочь от первой, покойной жены, но у нее это был первый ребенок. Вошедший в спальню дед с гордостью взял на руки внука и торжественно произнес:

— Пусть его первым, детским, именем будет Жуйюань («Благоприятное начало»).

Дед следовал традиции своего клана, большой группы близких и дальних родственников, ведших происхождение от общего предка: таковым в роду Цзянов из деревни Сикоу (на местном диалекте: Цзику) у подножья горы Улин в уезде Фэнхуа провинции Чжэцзян, что в 180 километрах южнее Шанхая, считался третий сын великого правителя Древнего Китая Чжоу-гуна (XII или XI веке до н.э.) — Бо Лин. Он получил от отца в удел небольшое царство Цзян на юго-востоке нынешней северокитайской провинции Хэнань, но спустя почти 600 лет, в 617 г. до н.э., оно было поглощено государством Чу. Многие потомки Бо Лина переселились на запад, в провинцию Шаньси, другие — на восток, в Шаньдун. И те, и другие взяли себе клановую фамилию Цзян в память об утраченной родине. В XIII веке во время монгольского нашествия, одна из ветвей восточных Цзянов переселилась в долины уезда Фэнхуа провинции Чжэцзян, а в XVII веке, когда на Китай напали маньчжуры, кое-кто из них переехал в глубь уезда, к восточным отрогам горы Улин. Там они и осели в деревне Сикоу, что значит «Устье реки», на правом берегу узкой и мелководной речушки Шаньси. Вместе с Цзянами в этой деревне на единственной улице Улин, протянувшейся с востока на запад на полтора километра, жили члены еще трех кланов: Чжан, Жэнь и Сун. Но Цзяны составляли большинство, и именно глава рода Цзянов являлся настоятелем общего для всех четырех кланов деревенского храма, в котором с 1790 года проводились торжественные обряды перед алтарем предков.

Храм использовали все кланы, но родовые традиции у каждого были свои. Улинские Цзяны, например, считали, что во всех младенческих именах поколения Жуйюаня (оно было 28-м по счету в клане, начиная с переселения в Улин), должен был присутствовать иероглиф «жуй» («благоприятный»). Дочь Суаня от первого брака, появившаяся на свет в 1874 году, носила имя Жуйчунь («Благоприятная весна»), а старший сын, родившийся через три года, — Жуйшэн («Благоприятное рождение»). Детское, или молочное, имя считалось неофициальным, временным. Но иногда закреплялось за человеком, обычно за девочками, которым имена вообще давали только в зажиточных и просвещенных семьях, к которым и принадлежало семейство Цзян Суаня. В других же — просто нумеровали: первая, вторая и т.д. сестра или первая, вторая и т.д. дочка. Жуйчунь, например, как и ее единокровная сестра Жуйлянь, которая родится в 1890 году, будут носить свои детские имена всю жизнь.

Но Жуйюань как мальчик получил вскоре еще одно, мужское имя в соответствии с требованиями генеалогической хроники клана. Такие хроники велись во всех китайских кланах, где писцы год за годом составляли записи рождений и смертей родичей, а также фиксировали другие события, связанные с деятельностью своих патронимий. В каждой хронике за очередным поколением мужчин изначально закреплялся свой иероглиф, который следовало использовать в именах. Хроника рода Цзян из местности Улин велась с 1691 года, и в ней давно было определено, что на поколение мальчика Жуйюаня приходится родовой иероглиф «чжоу» («круг», «полный», «совершенный»). Старший брат Жуйюаня уже имел клановое имя: Чжоукан («Совершенно здоровый»). Дед и отец пригласили местного даоса-гадателя, и он первоначально соединил клановый иероглиф с иероглифом «цзянь», являющимся синонимом иероглифа «кан» («здоровый»), но потом, приглядевшись к расположению звезд, посоветовал использовать в имени мальчика иероглиф «тай» («спокойный», «великий»). Вышло красиво: Чжоутай («Совершенно спокойный» или «Безгранично великий»).

В августе 1903 года в возрасте 15 лет этот мальчик отправится в крупный портовый город Нинбо в 40 км от его деревни сдавать экзамены на первую ученую степень *сю-цая* (дословно — «расцветший талант»), без получения которой нельзя было и мечтать занять чиновную должность. Перед поездкой он возьмет себе новое имя, выражавшее его благородные помыслы — Чжицин («Стремящийся быть честным»). А в 1912 году, уже будучи известным революционером, он выберет себе еще одно, величальное, имя, которое должно будет использоваться в особо торжественных случаях — Цзешу («Твердый, как камень»). Эти два иероглифа он заимствует из классической древнекитайской книги «И цзин» («Книга перемен»). В этой книге в шестнадцатой гексаграмме говорится: «*Лю эр, цзе юй ши, бу чжун жи, чжэнь цзи*» («Вторая, прерывистая, линия указывает на человека, **твердого, как камень**. [Он проникает в суть вещей], не дожидаясь, пока они изменятся; он все делает совершенно правильно и его ждет удача»²). Именем Цзян Цзешу он подпишет свою первую статью в журнале «Цзюньшэн» («Голос армии»). На кантонском диалекте Цзян Цзешу звучит Чан Кайши, и именно так Цзяна начнут называть в 20-е годы, когда он переедет на юг в город Кантон, который в то время стал опорной базой китайского национально-освободительного движения.

Незадолго до кантонского периода, в 1917 или 1918 году, он выберет себе и еще одно имя, которое ему самому будет нравиться больше других, — Чжунчжэн («Срединный и правильный»)³.

Но это будет позже, а пока семейство Суаня продолжало выполнять традиционные обряды. Родителям роженицы, жившим в соседнем уезде, за горой Сюэдоушань, в 25 км от Сикоу, послали петуха — возвестить о рождении внука. (Если бы родилась девочка — послали бы курицу.) Самого мальчика на несколько часов положили на собачью подстилку, чтобы был «здоров, как собака», а губы его смочили мясным бульоном, дабы был богатым и счастливым. Мальчик выглядел здоровым, да и то, что он был рожден в год Свиньи, сулило хорошее будущее: люди, рожденные в этот год, бывают, как правило, честны и искренни, не боятся трудностей и тверды в своих убеждениях. У матери, правда, совсем не было молока, но Суань нанял кормилицу⁴.

Семья Суаня была одной из наиболее уважаемых в деревне. Ей принадлежали более тридцати му рисовых полей (1 му равняется шести с половиной соткам), она владела бамбуковой рощей и несколькими чайными кустами. И Суань, и его старший брат считались довольно образованными, хотя и не смогли сдать экзамен на соискание ученой степени. Суань сдавал участок земли в аренду, содержал соляную лавку, в которой помимо соли торговал вином и известью. И соль, и вино находились в государственной монополии, но семейство Цзянов, используя *гуаньси* (связи) в верхах уезда, смогло приобрести лицензию. В лавке Цзянов всегда толпился народ: многие приходили даже не за покупками, а за советом в разрешении споров или просто послушать умных людей⁵.

Лавка, на втором этаже которой жила семья, стояла во дворе, обсаженном бамбуком и жасмином. Кругом, насколько хватало глаз, высились горы и холмы, покрытые вечнозелеными деревьями и кустами. На берегу реки женщины полоскали белье, а по мелководью бродили мужчины с гарпунами для ловли рыбы. Веяло тишиной и покоем. Нелучайно великий поэт Танской династии Ли Бо (701–762), посетивший эти места, сравнил тихо журчавшую Шаньси с «прекрасной и застенчивой девушкой», а его гениальный современник Ду Фу (712–770) написал: «В Шаньси особая таится красота; как ни стараюсь, не могу забыть»⁶. Неподалеку в горах находился женский буддийский монастырь Цзиньчжу (монастырь Золотого бамбука) и буддийский храм Сюэдоу (Пещера в снегу), в котором высилась статуя смеющегося Будды Майтрейи. (Говорят, что в своей земной жизни Майтрея был монахом из уезда Фэнхуа⁷).

Отец Чан Кайши, Цзян Суань родился в 1842 году и до женитьбы на Ван Цайюй был женат дважды. Его первая жена, урожденная Сюй, умерла, оставив ему двоих детей. Вторая, урожденная Сунь, тоже скончалась, не прожив в браке и двух лет. Детей у нее не

было. Несчастный Суань хотел остаться вдовцом, но по требованию отца женился вновь. И на этот раз ему повезло. Отец подыскал ему жену, которая оказалась крепка и духом, и телом. Геомант сравнил гороскопы молодых, и они удивительно подошли друг к другу. Кроме того, новая жена Суаня оказалась красавицей. Когда Суань перед первой брачной ночью откинул с ее лица красную вуаль⁸ и впервые взглянул на нее, то не смог сдержать восторга. Красота жены превзошла все его ожидания⁹.

Несмотря на свой юный возраст (ей шел всего 21-й год — она родилась 17 декабря 1864 года), Ван уже была вдовой. Она была работящей, не привыкла к роскоши и предпочитала шелковым халатам домотканое грубое платье. Это была волевая женщина, щедро одаренная умом и жизненной хваткой, да еще и отличная хозяйка, умевшая ткать полотно и искусно готовить вкусные блюда из рыбы, свинины и птицы, хотя сама была вегетарианкой. Умела она и хорошо засаливать ростки бамбука — это лакомство на всю жизнь останется любимым кушаньем Чан Кайши. Любил Чан и знаменитый чжэцзянский суп из желтого крокера (небольшой рыбы, по виду напоминающей окуня)¹⁰.

Через несколько месяцев после рождения Чана вся его семья переехала со второго этажа соляной лавки в новый дом из семи комнат, выстроенный по соседству в традиционном китайском стиле «саньхэюань», с постройками по трем сторонам квадратного двора. Домочадцы называли его «Суцзюй» («Простое жилище»). Здесь прошло детство Чана. И здесь же родились его младшие сестры и брат: 6 июня 1890 года — сестра Жуйлянь («Благоприятный лотос»), в 1892 году — сестра Жуйцзюй («Благоприятная хризантема») и 26 октября 1894 года — брат Жуйцин («Благоприятный ребенок»). Жуйцзюй умерла, когда ей было всего несколько месяцев, а Жуйцин — в возрасте четырех лет. Смерть младшего сына была особенно тяжелым ударом для матери: из всех детей она больше всего любила его, младшенького. «Он был самым красивым из нас, — вспоминал Чан Кайши. —... Моя мать горячо оплакивала его смерть, тяжело страдая и морально, и физически»¹¹.

Чан в детстве часто болел, а когда чувствовал себя хорошо, весело носился по деревне с соседскими мальчишками, дрался, играл в войну, купался в реке, лазил по окрестным холмам и жег костры. Он так озорничал, что в деревне его прозвали «Жуйюань-бандит»¹². «Я мог в любой момент утонуть, и мое тело всегда было в ожогах и порезах», — вспоминал он. Отец сидел в лавке с утра до вечера и не имел времени заниматься сыном, зато дед и особенно мать изо всех сил заботились о нем. «Мой дед всегда ухаживал за мной, [когда я болел]. Он неотлучно находился около моей кровати... [А] моя бедная мать волновалась обо мне в два раза больше, чем другие матери о своих детях... Она любила меня так, как будто я [всегда] оставался грудным младенцем», — писал Чан¹³.

Дед умер от воспаления легких, когда Чану было семь лет. Чан сильно горевал о нем, безутешно плакал и в течение двух месяцев носил траур. Но вскоре начались новые испытания. Через несколько месяцев, летом 1895 года, скоропостижно скончался отец, которому шел всего пятьдесят четвертый год, а еще через год, в 1896 году, раздела имущества потребовал единокровный брат Чана, двадцатилетний Жуйшэн, оставшийся за старшего мужчину в семье. Мать Чана была потрясена: ведь она всегда относилась к нему как к сыну, несмотря на то, что Жуйшэн рос в семье дяди, старшего брата отца, у которого не было сыновей. Тем более, что перед смертью Суань потребовал, чтобы Жуйшэн дал клятву заботиться о мачехе и единокровных братьях и сестре (Чану было девять лет, его сестре — шесть, а Жуйцину — только два года). Жуйшэн со слезами на глазах поклялся, но не сдержал слова. Как видно, конфуцианское понятие *сяо* (сыновней почтительности) не являлось одной из его добродетелей. Он забрал большую часть имущества, в том числе лавку и половину дома, его восточное крыло. Другую половину (западное крыло), в соответствии с китайской традицией, формально разделили между двумя другими наследниками Суаня мужского пола — Чаном и малолетним Жуйцином; половину

Чана называли «Дом Фэн», а половину Жуйцина — «Дом Гао» — по названиям двух ранних столиц династии Чжоу: Фэнцзин и Гаоцзин, расположенных в провинции Шэньси на двух противоположных берегах реки Фэншуй. Тогда же все западное крыло стали называть Дом Фэнгао¹⁴.

Этот дом до сих пор стоит в деревне Сикоу на берегу Шаньси: небольшой двухэтажный флигель из трех комнат под изогнутой бамбуковой крышей, с длинным открытым балконом во весь второй этаж. Во дворе растут сосны и коричневые деревья. Здесь Чан провел свое сиротское отрочество, полное, по его словам, лишений и унижений¹⁵.

У матери от отца оставался участок в 20 му и она сдавала его в аренду. Кроме того, сама много работала, в основном ткала полотно. Кое-какой доход приносила и бамбуковая роща в горах, также отошедшая к ней после смерти Суаня. Но она была вдовой, и у нее не было *гуаньси* (связей). Некому было ее защитить, а потому и ее, и Чана, и его младшую сестру третировали и родственники, и знакомые. «После того, как умер отец, а мой старший брат отказался заботиться о семье, нас все обманывали, и моя мать тихо страдала, перенося испытания», — с горечью писал Чан. «Часто нас заставляли платить налоги, которые мы не должны были платить, и выполнять общественные работы, которые мы не должны были выполнять, — продолжал он. — К нашему огорчению, никто из родственников нам не помогал... Нельзя описать то ужасное положение, в котором находилась наша семья в то время»¹⁶. Как-то в районе случился неурожай, и двое арендаторов отказались платить арендную плату беззащитной мамаше Ван, а остальные потребовали ее снизить. Несчастной вдове пришлось сократить расходы¹⁷.

Понятно, что сиротство и бедность не могли не сказаться на характере будущего революционера: Чан рос нервным и гордым ребенком. Очень рано он начал проявлять задатки лидера: ему хотелось доказать окружающим, что он лучше и выше всех. В детских играх он всегда стремился с помощью кулаков утвердить за собой роль командира, компенсируя тем самым свою социальную униженность¹⁸. Любил он также выступать перед сверстниками с речами, активно жестикулируя и актерствуя. Нередки для него были и перепады настроения: от безудержного веселья к истеричному рыданию, от честолюбивых мечтаний к глубокой депрессии и самобичеванию¹⁹.

И только благодаря твердому характеру мамы Ван, поставившей себе цель вывести единственного сына в люди, Чан смог получить достойное образование. До конца жизни он будет вспоминать, что обязан своей матери всем, чего достиг в юности. После смерти обожаемого ею Жуйцина она всю любовь сконцентрировала на нем²⁰.

Чан пошел в школу рано: ему не было и шести. По его словам, это было решение матери. Уж очень она волновалась, что непоседливый мальчик доиграется: либо утонет, либо сломает себе шею. Ее опасения были небезосновательны. Трех лет отроду Чан как-то, играя, засунул себе глубоко в горло палочку для еды: ему захотелось узнать, насколько далеко ее можно протолкнуть. Пришлось домочадцам звать доктора, чтобы спасти ребенка, начавшего задыхаться. Через два года Чан, рассматривая корку льда в большой бочке с водой, стоявшей на морозе, не удержался на краю и провалился под лед. Ему стоило больших усилий выбраться²¹. Неудивительно, что его матери, хотя она и была глубоко верующей буддисткой, приходилось нередко брать в руки прут, чтобы, как позже признавал сам Чан Кайши, «дитя не испортилось»²².

Первым учебным заведением, в которое дед отвел пятилетнего Чана, была частная деревенская школа, где он научился читать и писать, а когда чуть подрос, стал под началом строгих учителей изучать конфуцианское «Четверокнижие» (*сы шу*): «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Учение о срединном и неизменном пути»), «Лунь юй» («Суждения и беседы») и «Мэнцзы», а позже — такие классические каноны, как «Ли цзи» («Книга установлений»)²³, «Сяо цзин» («Книга сыновней почтительности»), «Чунь-цю» («Летопись позднего периода династии Чжоу “Весна и осень”»), «Цзо чжуань» (Комментарий к «Чунь цю») и «Гу вэнь цы» («Книга древней поэзии»). В возрасте десяти

ти лет он написал свое первое эссе в классическом духе, посвященное покойному младшему брату²⁴.

И мать, и учителя словом и прутотом прививали Чану любовь к учебе и труду. Помимо штудирования конфуцианских текстов, написанных на трудном для понимания древнем литературном языке *вэньянь*, и чтения буддийских сутр, маленький Чан много помогал матери по хозяйству. «Когда я был ребенком, мои родители и учителя заставляли меня выполнять разнообразную работу, — говорил он спустя много лет. — Я подметал и мыл полы, варил рис, готовил другую еду и даже мыл посуду. И если я по неосторожности ронял на пол несколько зерен риса или неряшливо одевался, меня строго наказывали»²⁵.

В 1899 году в возрасте 12 лет Чан продолжил учебу в другой школе, которая располагалась в доме его бабушки по материнской линии. Впервые он расстался на несколько месяцев с матерью и глубоко переживал это. Рассказывают, что когда он вернулся домой во время летних каникул, то, увидев любимую мать, разрыдался и никак не мог успокоиться. Когда же пришло время возвращаться в школу, он опять начал так громко плакать, что на шум прибежали соседи. Все его успокаивали, но он продолжал рыдать, даже отъехав от дома на десять километров²⁶. Нельзя сказать, чтобы ему было плохо у бабушки: та души в нем не чаяла²⁷, но любовь, жалость и благодарность к матери, по сути дела отдавшей ему всю жизнь, переполняли Чана.

В этой школе он начал писать не только короткие прозаические эссе, но и стихи. Поэтом он не стал (за всю жизнь он написал чуть больше десяти коротких стихотворений), но этот первый опыт стихосложения так понравился его учителю, что он долго не мог успокоиться и все расхваливал Чана. Вот эти стихи, которые, честно говоря, не блещут изяществом²⁸:

*Я вижу: на горе
Бамбук растет везде,
Несет он в летний день
Прохладу нам и тень*²⁹.

Не смея отказать матери, в 1901 году, когда ему едва исполнилось 14 лет, Чан по ее требованию вступил в брак с девятнадцатилетней девушкой из соседней деревни по имени Мао Фумэй (она родилась 9 ноября 1882 года). Отец невесты, как и отец Чана, занимался торговлей, только не солью и вином, а рисом и другими продуктами. То, что невеста была старше жениха на пять лет, устраивало мать Чана: ей нужна была умелая помощница по хозяйству³⁰, а о том, нравится она сыну или нет, мамаша Ван и не думала. В то время свадьбы в Китае всегда устраивались родителями, и о женитьбе по любви никто и не слыхивал.

Но в отличие от отца после брачных торжеств, когда Чан, оставшись с женой один, снял с ее лица красную вуаль, он совсем не пришел в восторг. «Я ни разу не видел ее лица до свадьбы, и после того, как нас поженили, наша жизнь не заладилась», — говорил он впоследствии³¹. Имя новобрачной означало «Счастливый цветок сливы», но она оказалась в браке с Чаном глубоко несчастной. Нежных чувств к ней Чан так и не стал питать, несмотря на то, что Фумэй была далеко не дурнушкой: у нее были пухлые губки, нежное овальное лицо и большая пышная грудь. Чан, однако, не стал с ней жить и вскоре после свадьбы опять занялся учебой. На этот раз в деревенской школе в родной деревне его жены. Фумэй же вместе со служанкой переехала к его матери.

Новым учителем Чана стал молодой *сюцай* Мао Сычэн (1873–1940), дальний родственник его супруги, который позже, в середине 1920-х, станет секретарем Чана, а в 1936 г., когда Чан будет уже национальным лидером, напишет лучшую книгу о первых 39 годах жизни Чан Кайши — его хронологическую биографию в 20 томах. В ней он оставит следующие воспоминания о своем ученике, дающие представления о характере последнего: «Он считал класс сценой, а соучеников — марионетками: он был дикий и

необузданный. Но когда отвечал у доски, читал или сжимал в руках кисточку для письма, думая над ответом, даже тысячи голосов вокруг не могли вывести его из сосредоточенной задумчивости. Моменты спокойствия и взрывов сменялись у него иногда в течение нескольких минут: можно было подумать, что перед нами два человека. Я был им очень заинтригован»³².

Как видно, характер Чан Кайши не сильно менялся, несмотря на изучение молодым человеком конфуцианства и буддизма: Чан по-прежнему оставался неуравновешенным. «Он был не в состоянии нормально и спокойно реагировать на ту ли иную эмоциональную ситуацию, — пишет один из биографов —... Но мог отвечать на вызов и сосредотачиваться в период кризиса, так как в этих условиях был способен мобилизовать все лучшие качества, присущие ему, получая от этого максимальное удовлетворение. Он чувствовал себя “в норме” или на творческом подъеме в ситуациях, когда требовались его руководство и власть и когда нужно было совершить что-то героическое»³³.

С помощью Мао Сычэна он изучал «И цзин» и писал философско-исторические эссе в классическом стиле. Он готовился к экзаменам на ученую степень, которые должны были проводиться в Нинбо в августе 1903 года. Но к его страшному разочарованию провалился во время экзаменовки. На гордого и нервного подростка, которому только что исполнилось 15 лет, это произвело тяжелое впечатление, тем более что его старший брат, к которому у него, понятно, было неоднозначное отношение, сдал экзамены, получив искомую степень. Более всего Чана возмутило «жестокое и презрительное отношение к нему членов комиссии»³⁴.

Чан замкнулся и стал еще более упорно заниматься. Но во второй раз экзамены ему сдавать не пришлось: в ходе императорской реформы образования, проводившейся в то время, они были отменены. Тогда он перешел в другую, только что открытую школу, в уездный город Фэнхуа, где преподавали не только классику, но и некоторые современные дисциплины, в том числе арифметику и английский язык. Мать была против: она хотела, чтобы он пошел по торговой части, но Чан настоял на своем.

Впервые он уехал так далеко от дома — за 40 километров, причем в первый раз оказался в городе, пусть и не очень большом. С ним поехала и его жена, хотя Чан этого не хотел, но таково было требование матери.

После деревни город не мог не поразить его. Древний торговый центр, ставший уездным городом еще при Танской династии в 738 году, Фэнхуа был окружен мощной крепостной стеной с железными воротами, которые запирались на ночь. На улицах было полно народу, и иногда можно было даже встретить «заморских волосатых дьяволов» — так китайцы называли иностранцев. Это были миссионеры — первые белые люди, которых увидел Чан³⁵.

В этой школе Чан пробыл два года, но потом вновь проявил свой буйный характер, повздорив с администрацией. Весной 1905 года он с женой переехал в Нинбо, где зарегистрировался в новой, тоже недавно открытой школе «Золотая стрела», основанной неким Гу Цинлянем, хорошо образованным человеком, выпускником Иокогамского педагогического института, недавнего вернувшимся из Японии.

Несмотря на то, что любимой матери пришлось заплатить за него немалую регистрационную сумму, трудно винить Чана в том, что он транжирил ее деньги. Эта школа и особенно талантливый учитель Гу сыграли в его жизни важную роль. Именно от почтенного Гу Цинляня семнадцатилетний Чан впервые услышал о необходимости национальной революции в Китае, находившемся под гнетом завоевателей-маньчжуров. Гу рассказал ему о докторе Сунь Ятсене³⁶, который жил тогда в Токио под именем Накаяма Кироки (на китайском языке это имя звучало Чжуншань Цяо)³⁷.

Чан с удивлением и восторгом слушал рассказы учителя об этом необычайном человеке, известном также под именем Сунь Вэнь. Доктор Сунь Ятсен добивался революционного переустройства общественно-политической системы Китая на республикан-

ских принципах. Осенью 1895 года члены Союза организовали антиманьчжурское восстание в Кантоне, закончившееся поражением. Сунь Ятсен был вынужден бежать за границу, а за его голову назначили большую награду. В октябре 1896 года, когда он находился в Лондоне, его похитили сотрудники китайской императорской дипмиссии, которые собирались тайно переправить его в Китай. Но волна протеста, поднявшаяся в английской прессе, заставила горе-похитителей через 12 дней освободить его. Это неудавшееся похищение только увеличило популярность Суня среди западных либералов и националистически настроенной китайской публики, особенно китайских эмигрантов.

Лондонская история произвела сильное впечатление и на Чан Кайши. Равно как и две книги, которые Чан прочитал по рекомендации учителя: труд его земляка, чжэцзянца Хуан Цзунси (1610–1695) «В ожидании рассвета», осуждающий автократию, и сборник цитат «Инструкции по практической жизни» знаменитого конфуцианского философа Ван Янмина (1472–1529), одного из немногих в Китае мыслителей, ставившего во главу угла своих философских представлений личность отдельного человека.

Под воздействием прочитанного и услышанного от учителя Чан пришел к выводу, что «нам [молодым китайским интеллигентам] нужно, во-первых, двинуть вперед великую идею нации и определить основы революционной идеологии. Во-вторых, ясно сформулировать свои сознательные моральные принципы... [И,] в-третьих, проникнуться духом наших демократических идей»³⁸.

От учителя Чан узнал и об огромной роли военного фактора в будущей китайской революции. Гу научил его основам китайской военной стратегии и тактики, разъяснив труды знаменитых военных стратегов Суньцзы (545–470 до н.э.) и Цзэн Гофаня (1811–1872). И именно он посоветовал Чану как можно скорее отправляться на учебу за границу³⁹. «В результате в тот год [1905-й] я принял решение поехать за рубеж», — записал Чан Кайши в своем дневнике⁴⁰.

Гу много рассказывал о своей жизни в Японии, которая в 1905 году показала всему миру, что даже азиатская страна, сбросившая ярмо абсолютизма и вставшая на путь модернизации, может нанести поражение сильной европейской державе — царской России. В то время, 5 сентября 1905 года, закончилась русско-японская война, в которой японцы успешно сражались с русскими в Маньчжурии и победили.

Нинбо, один из крупнейших городов Чжэцзяна, имел длительную историю. Он расцвел еще в период Танской династии (618–907) и с тех пор продолжал развиваться. В центре города высились конфуцианские, буддийские и даосские храмы под изогнутыми черепичными крышами, блестящими на солнце. Рядом располагались дворцы богачей, а в тесных переулках и на лодках-джонках, которыми были забиты местные каналы, ютился бедный люд. В целом Нинбо напоминал «лабиринт узких и кривых улиц, на которых всегда толпился народ. Густонаселенные районы соединялись мостами, [перекинутыми через каналы и реки]. Воздух был пропитан запахом рыбы, ведь Нинбо славился соленой и сушеной рыбой, которую отправляли во все регионы центрального и восточного Китая»⁴¹.

В 1905 году Нинбо представлял собой типичный портовый город восточного побережья Китая. На северном берегу реки Юйяоцзян, перерезающей его с запада на восток, находился небольшой, но уютный иностранный квартал с христианскими храмами, каменными двух- и трехэтажными домами, фешенебельными отелями и дорогими ресторанами. Здесь по широким улицами сновали рикши, а в шумном и дымном порту разгружались корабли из многих стран. Английские пушки заставили цинское правительство открыть Нинбо для внешней торговли наряду с другими четырьмя портами (Кантон, Сямэнь, Фучжоу и Шанхай) после того, как маньчжуры были разгромлены в ходе так называемой Опиумной войны 1840–1842 гг. За первой Опиумной войной последовала вторая, на этот раз между Китаем, с одной стороны, Англией и Францией — с другой (1856–1860), а потом и новая китайско-французская война — за Вьетнам (1884–1885).

В целом в начале XX века китайская империя имела неравноправные договора с восемнадцатью державами, в том числе даже с Перу, Бразилией и Мексикой. Иностранцы могли не платить внутренние торговые пошлины (*лицзинь*), которые китайские купцы, напротив, были обязаны выплачивать при пересечении границ провинций. Иностранцы обладали также правом создавать свои поселения (селтльменты) в открытых для них портах. В 1860 году таких портов было пятнадцать, а в начале XX века — уже 107. На территории Китая иностранцы пользовались правом экстерриториальности, или иначе — консульской юрисдикции, то есть были неподсудны китайским судам.

Чан Кайши, конечно же, не мог не замечать засилья иностранцев, но мысли о борьбе против иностранного давления еще не посещали его. Всю вину за полуколониальное положение Китая и за унижение народа он возлагал на правящую маньчжурскую династию Цин, а также на продажных китайских чиновников и олигархов. Наиболее крупные из олигархов располагали собственными вооруженными силами и, используя политическую и военную власть, ограничивали инициативу отдельных предпринимателей-частников, а также нещадно грабили население. «Я решил поехать за границу, — записал Чан в своем дневнике, —... [потому что] страдал из-за упадка дел в моей стране и деградации маньчжуров. Кроме того, я переживал сиротство и горькое положение моей семьи, которую обманывали и унижали. Мне очень хотелось восстать и показать всем свою силу»⁴².

Здесь, в Нинбо, жена Чан Кайши забеременела, но сохранить ребенка не смогла⁴³. По Сикоу долго ходили слухи, что у нее то ли случился выкидыш, то ли она родила мертвого младенца после того, как «Жуйюань-бандит» зверски избил ее за то, что она посмела в чем-то ему перечить. Мамаша Ван, убитая горем, долго не могла опомниться, и кто-то из соседей слышал, как она кричала на сына: «Из трех видов [сыновней] непочтительности неимение потомства самая большая»⁴⁴.

В начале 1906 года Чан вместе с женой вернулся из Нинбо в Фэнхуа, где стал вновь изучать английский язык. Его учителем оказался некто Дун Сяньгуан (1887–1971), его ровесник, за семь лет до того окончивший Англо-китайский колледж в Шанхае. Он называл себя на английский манер — Холлингтон Дун. Через много лет, в октябре 1937 года, с согласия Чан Кайши он, во многом используя материалы Мао Сычэна, издаст его англоязычную двухтомную биографию. Вот что он там, в частности, вспомнит о своем ученике: «Он был серьезным студентом... Рано вставал, ополаскивал лицо и в течение получаса стоял, вытянувшись на веранде около своей комнаты. Это была его привычка. Губы плотно сжаты, во взгляде сквозит решимость, руки скрещены на груди... Сейчас мы знаем из его дневника, что в эти несколько месяцев он обдумывал планы поездки в Японию изучать военную науку для того, чтобы лучше подготовиться к той жизни, которую готов был полностью посвятить своему народу»⁴⁵.

Как видно, Чан закалял свою волю, вырабатывая характер и подчиняя себя жесткой дисциплине. В то же время он начал серьезно заниматься спортом, чтобы укрепить свое тело. И вскоре на первых студенческих атлетических соревнованиях в Нинбо занял третье место в беге. Свободное же от занятий и спорта время он проводил в библиотеке, жадно глотая привозимые из Шанхая газеты: ему хотелось быть в курсе всех событий, происходивших в мире⁴⁶.

В апреле 1906 года восемнадцатилетний Чан Кайши бросил школу и полный решимости вернулся домой, где объявил матери, что намерен немедленно отправиться в Японию поступать в военную академию. Рассказы учителя Гу и многочисленные унижения, которые ему приходилось терпеть в жизни, провал на экзаменах на ученую степень, помноженные на гордость, амбициозность и выработанную путем ежедневных упражнений целеустремленность, — все вылилось в осознанное желание: вступить в ряды революционеров, вынашивавших в далекой Японии дерзкие планы социального и политическо-

го переворота. Более того, он решил стать военным, чтобы как можно активнее участвовать в революционной борьбе, которая неминуемо должна была быть кровавой. «Я считал, что если не поеду за границу, где собирался учиться и примкнуть к революции, то у меня не будет выхода», — вспоминал Чан. О революционной теории Сунь Ятсена он еще ничего не знал. «Я только понимал, что ненавижу *тухао* [«мироедов»] и *лешэнь* [«злых шэньши», то есть алчных сельских грамотеев-чиновников] и что мои враги — злые псы, жадные и продажные бюрократы, которые подавляют сирот и вдов. Я не мог [открыто] говорить об этом в Китае, поэтому хотел уехать. Я считал, что только выехав за границу на учебу смогу укрепить свои силы. И хотя мои родные решительно воспротивились этому, я решил проявить упорство»⁴⁷.

Требовались деньги, и мать, зная, что сына не переубедить, собрала их. «И впоследствии моя покойная мать должна была работать больше, чем обычно, для того, чтобы, экономя на всем, иметь возможность посылать мне средства на учебу», — вспоминал Чан с благодарностью⁴⁸.

Он простился с матерью, нелюбимой женой, родственниками и знакомыми, чаше унижавшими его, и отбыл в Нинбо, а затем в Шанхай, откуда на пассажирском лайнере отправился в Страну восходящего солнца. Из Нинбо он послал матери свою косу, которую отрезал, дав понять, что встает на революционный путь⁴⁹. Длинные косы в знак покорности маньчжурам носили все китайские подданные Цинской империи мужского пола. Когда жители деревни узнали об этом, они ужаснулись. Но мать сохранила самообладание: она верила в обожяемого сына и ничего не боялась.

Стоя на корабле с крепко скрещенными на груди руками, Чан гордо смотрел вперед. Его коротко остриженные волосы обдувал соленый ветер. Чан был уверен, что там, за линией горизонта, его ждет великое будущее.

1. В традиционном Китае сутки делились на двенадцать двухчасовых периодов, которые, как и годы в двенадцатилетнем цикле, именовались по названиям животных. Отрезок времени с 11 часов утра до часу дня назывался часом Лошади.
2. Чжоу И. [Сун] Чжу Си чжу: [Книга] перемен эпохи Чжоу. С комментариями (сунского) Чжу Си]. Шанхай, 1995. С. 57; I Ching: Book of Changes. Trans. J. Legge. Secaucus, NJ, 1964. P. 91.
3. Чжоу И. С. 58; I Ching. P. 288.
4. Информация о рождении и первых днях жизни Чан Кайши основана на личных впечатлениях автора от посещения деревни Сикоу 8 августа 2009 г. и материалах сикоуского Музея рода Цзян. См. также: Чан Кайши. Жицзи: [Дневник]. Записи июня 1919 г. и 1 января 1920 г. // Hoover Institute Archives at Stanford University, collection no. 2006. С. 37; Письмо Цзян Юмэй, правнучки Чан Кайши, автору. 26 окт. 2014 г.; Ван Тяньцан. Сикоу фэнгуан: [Пейзажи Сикоу]. Нинбо, 2003; Цуй Сяочжун. Циннянь Цзян Цзеши: [Молодой Чан Кайши]. Пекин, 2003. С. 2–14; Чэнь Булэй. Цзян Цзеши сяньшэн няньбао: [Хронологическая биография господина Чан Кайши]. Тайбэй, 1978. С. 1–2; Цзян Цзеши няньпу чугао: [Первоначальный вариант хронологической биографии Чан Кайши]. Т. 1. Пекин, 1992. С. 1; Цзян Цзеши мишу: [Тайная история Чан Кайши] / Чэн Шувэй [и др.]. Пекин, 2007. С. 9–10; Мао Сычэн. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн: [Господин Чан Кайши до 1926 года]. Сянган, 1965. С. 7–8; Furuuya Keiji. Chiang Kai-shek: His Life and Times. New York, 1981. P. 3–4.
5. См.: Ян Шубяо, Ян Цзин. Цзян Цзеши чжуань. 1887–1949: [Биография Чан Кайши. 1887–1949]. Ханчжоу, 2008. С. 1–2; Taylor Jay. The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge, MA, 2009. P. 10–11; Tong Hollington K. Chiang Kai-shek: Soldier and Statesman: Authorized Biography. Shanghai, 1937. V. 1. P. 2–3.
6. Ван Тяньцан. Сикоу фэнгуан. С. 135; Ду Фу цюаньцзи: [Полное собрание сочинений Ду Фу]. Гонконг, [195?]. С. 84.
7. См.: Ван Тяньцан. Сикоу фэнгуан. С. 81–85, 132–133, 135.

8. В традиционном Китае невесты одевались во все красное, ибо красный — цвет благополучия и удачи. Белый же — цвет траура.
9. См.: *Hsieh Shou-kang*. President Chiang Kai-shek: His Childhood and Youth. Taipei, 1954. P. 15–16; Цуй Сяочжун. Циннянь Цзян Цзеши. С. 10.
10. См.: Письмо правнучки Чан Кайши, Цзян Юмэй, автору. 13 ноября 2014 г.; *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилуэ: [Краткая биография покойной матери, госпожи Ван] // Цзян цзунтун яньлунь хуэйбянь: [Сборник сочинений Президента Чана]. Тайбэй, 1956. Т. 24. С. 63–64; Цзян Цзеши мишу. С. 5–9; Личные впечатления автора от посещения деревни Сикоу. 8 августа 2009 г.
11. *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилуэ. С. 64–65.
12. URL: <http://www.zwbk.org/MyLemmaShow.aspx?zh=zh-tw&lid=263253>.
13. *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилуэ. С. 63. О заботливом отношении деда к Чану см. воспоминания последнего, опубликованные в кн.: *Hsiung S. I. The Life of Chiang Kai-shek*. London, 1948. P. 7–9.
14. См.: *Чан Кайши*. Жицзи. Записи августа 1929 г.; *Hsiung S. I. The Life of Chiang Kai-shek*. P. 17; Ван Тяньцан. Сикоу фэнгуан. С. 30–31; *Чэнь Булэй*. Цзян Цзеши сяньшэн няньбяо. С. 3.
15. Личные впечатления автора от посещения деревни Сикоу. 8 августа 2009 г.
16. *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.; *Чан Кайши*. Бао го юй сы цинь: [Мой долг перед страной и мои мысли о матери] // Цзян цзунтун яньлунь хуэйбянь. Т. 24. С. 69.
17. См.: *Hsieh Shou-kang*. President Chiang Kai-shek. P. 29–33, 37.
18. См.: *Tong Hollington K. Chiang Kai-shek: Soldier and Statesman*. P. 11.
19. См.: *Loh Pichon P. Y. The Early Chiang Kai-shek: A Study of His Personality and Politics, 1887–1924*. New York, 1971. P. 9.
20. См.: *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилуэ. С. 64. См. также другие воспоминания Чана о матери, опубликованные в его собрании сочинений (Цзян цзунтун яньлунь хуэйбянь. С. 68–72, 141–142).
21. См.: *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 8.
22. *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилуэ. С. 63.
23. В «Ли цзи» 49 глав. «Да сюэ» и «Чжун юн», входящие в «Четверокнижие», — выделенные в отдельные книги две главы из этого трактата.
24. См.: *Чэнь Булэй*. Цзян Цзеши сяньшэн няньбяо. С. 2–3; *Hsiung S. I. The Life of Chiang Kai-shek*. P. 38.
25. Цит. по: *Tong Hollington K. Chiang Kai-shek: Soldier and Statesman*. P. 6.
26. См.: *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 14.
27. Воспоминания Чана о бабушке по материнской линии опубликованы в: *Hsiung S. I. The Life of Chiang Kai-shek*. P. 10–12.
28. Здесь и далее переводы стихов с китайского автора книги.
29. Цит. по: *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 14.
30. Кстати, в отличие от подавляющего большинства китайских женщин того времени, в том числе матери Чан Кайши, Фумэй не бинтовала ног изо дня в день, поэтому могла работать с большой отдачей.
31. Цит. по: *Ch'en Chieh-ju. Chiang Kai-shek's Secret Past: The Memoir of His Second Wife*. Boulder, CO, 1993. P. 31–2. См. также: *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.; *Taylor Jay. The Generalissimo's Son: Chiang Ching-kuo and the Revolutions in China and Taiwan*. Cambridge, MA, 2000. P. 5–6.
32. *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 16.
33. *Loh Pichon P. Y. The Early Chiang Kai-shek*. P. 12–13.
34. *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 16.
35. См.: *Taylor Jay. The Generalissimo's Son: Chiang Ching-kuo and the Revolutions in China and Taiwan*. P. 11.
36. См.: *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.
37. Рассказывают, что псевдоним «Чжуншань», под которым Сунь стал особенно широко известен в материковом Китае, он взял произвольно, когда, приехав в Токио в 1897 г., регистрировался в отеле. Он скользнул глазом по японской газете, лежавшей на стойке регистрации, и его взгляд упал на два иероглифа: «чжун» («середина», он же первый иероглиф в слове «Чжунго» — «Китай») и «шань» («гора» или «горы»). Вот он и назвался «Чжуншань». Иероглиф же «цяо» или на японском языке «кироки» («дровосек»), он чуть позже выбрал потому, что, помимо прямого,

- это слово у японцев имеет и косвенное, уничижительное, значение: «скромный человек». В итоге получилось вполне в конфуцианском духе: «Скромный человек в китайских горах».
38. Цит. по: *Цуй Сяочжун*. Циннянь Цзян Цзеши. С. 45.
39. См.: *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.; *Мао Сычэн*. Указ. соч. С. 17.
40. *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.
41. *Franck Harry A.* Marco Polo Junior: The True Story of an Imaginary American Boy's Travel-adventures All over China. New York, 1929. P. 26. См. также: Нинбо цзю ин: [Старые фотографии Нинбо]. Нинбо, 2004.
42. *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.
43. URL: <http://www.zwbk.org/MyLemmaShow.aspx?zh=zh-tw&lid=263253>.
44. Цит. по: *Цуй Сяочжун*. Циннянь Цзян Цзеши. С. 34. Мамаша Ван цитировала Мэнцзы. Русский перевод этой цитаты см.: *Попов П. С.* Китайский философ Мэн-цзы. М., 1998. Два других вида: попустительство недостойному поведению родителей и отказ от заботы о них в старости.
45. *Tong Hollington K.* Chiang Kai-shek: Soldier and Statesman. P. VII.
46. Ibid. P. VII—VIII, 12.
47. *Чан Кайши*. Жицзи. Записи 1917 г.
48. *Чан Кайши*. Сянь би Ван тай фужэнь шилюэ. С. 63.
49. См.: *Мао Сычэн*. Миньго шиу нянь илай чжи Цзян Цзеши сяньшэн. С. 18.